

А. Л. Глушаев^a

ORCID: 0000-0003-3779-3537
✉ perst-ur@mail.ru

С. В. Рязанова^b

ORCID: 0000-0001-5387-9387
✉ svet-ryazanova@yandex.ru

^a Пермский государственный институт культуры
(Россия, Пермь)

^b Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН (Россия, Пермь)

ВЕРУЮЩИЕ ПРИКАМЬЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДИСКУРСОВ: ОБРАЩЕНИЯ ВО ВЛАСТЬ ЭПОХИ РАННЕЙ ОТТЕПЕЛИ

Аннотация. Эпистолярные источники являются важными текстами для исследований в области советской истории. В частности, они дают представление об индивидуальных и массовых настроениях в среде верующих. Особое место для понимания отношений в этой сфере занимают письма к властям периода правления Н. С. Хрущева. Они отражают ситуацию с народной религиозностью в Советском Союзе и обусловлены религиозной политикой государства. Объектом исследования в данной статье является письмо, написанное в начале 1954 г. в Пермском Прикамье по поводу закрытия православного храма. В этом тексте сочетаются мифологические, религиозные и светские (советские) дискурсы. Цель статьи — выявить социальные и индивидуальные факторы, сыгравшие роль в формировании дискурсивных стратегий. Этот исследовательский кейс иллюстрирует травматичный опыт советского верующего, связанный с разрушением привычного образа жизни. Верующий перенимает идеологический язык, выражая свою личную и групповую идентичность; таким образом, происходит адаптация к режиму и социальной системе. Археографическая подготовка текста письма к публикации осуществлена авторами статьи.

Ключевые слова: православие, Молотовская область, советский верующий, письма во власть, оттепель, религиозный дискурс, публикация источников

Для цитирования: Глушаев А. Л., Рязанова С. В. Верующие Прикамья на перекрестке дискурсов: обращения во власть эпохи ранней оттепели // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 228–243. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-228-243>.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2020 г.
Принято к печати 30 ноября 2020 г.

A. L. Glushaev ^a

ORCID: 0000-0003-3779-3537

✉ perst-ur@mail.ru

S. V. Ryazanova ^b

ORCID: 0000-0001-5387-9387

✉ svet-ryazanova@yandex.ru

^a Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

^b Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Perm)

BELIEVERS OF THE KAMA REGION AT THE CROSSROADS OF DISCOURSES: APPEALS TO THE AUTHORITIES IN THE ERA OF THE “EARLY THAW”

Abstract. Epistolary sources are among the most important texts for research in the field of Soviet history. They provide insights into individual and mass moods of religious believers. Letters to the authorities during the rule of Nikita Khrushchev are particularly important for understanding attitudes in this sphere. They reflect the situation of vernacular religiosity in the Soviet Union and are conditioned by the state’s religious policy during this period. The object of this study is a letter written at the beginning of 1954 in the Kama region (West Ural). The letter discusses the closing of an Orthodox church as a result of construction of a hydroelectric power plant. This text is very interesting for its combination of mythological, religious and secular (Soviet) features of believer’s consciousness. The goal of the article is to specify the social and individual factors that have played the lead role in the construction of Soviet and post-Soviet religious space. The research field of this paper includes both discursive strategies which took place in Soviet society and the portrait of the letter’s author which can be reconstructed through analysis of the text. The article contains an archaeological description of the text of the letter which allows us to clarify and restore the circumstances of its writing and the appearance of the author. The Soviet believer appears as a bearer of traditions, ready to defend them even in the face of a possible deterioration in personal life. This research case illustrates clearly the traumatic experience of the Soviet believer which was caused by the destruction of usual lifestyle. A new religiosity was transformed by ideological language but continued to exist as a base for personal and group identity and to determine the principles of adaptation to the regime and the social system.

Keywords: Orthodoxy, Molotov *oblast*, Soviet believer, letters to the authorities, the Thaw, religious discourse, publication of sources

To cite this article: Glushaev, A. L., & Ryazanova, S. V. (2021). Believers of the Kama Region at the crossroads of the discourses: Appeals to the authorities in the era of the “early Thaw”. *Shagi / Steps*, 7(2), 228–243. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-228-243>.

Received May 15, 2020

Accepted November 30, 2020

История писем во власть и их специфика неоднократно становились объектом внимания со стороны исследователей, введивших тексты в научный оборот в качестве исторических источников, проводивших источниковедческий, текстологический, социологический и контекстуально-исторический анализ [Fitzpatrick 1996; Козлова, Сандомирская 1996; Сандомирская 2001; Клинова 2012; Лейбович 2014; Кимерлинг 2014; Красильников 2014]. Внимание уделялось и непосредственно письмам верующих, представлявших разные конфессиональные сообщества на территории СССР [Шлихта 2014; Глушаев 2013; Белякова, Добсон 2015; Белякова 2018; Рязанова 2018; Савин, Деннингхаус 2017]. Данные послания верующих можно считать как элементом общего советского дискурса (отдельной темой является вопрос, существовал ли таковой как нечто гомогенное), так и индикатором того, как складывалось и проявляло себя в текущей повседневности мировосприятие советских граждан. Сам характер изложения мыслей в этих жалобах/посланиях/прошениях/пророчествах указывает на концепции и идеи, которые стали отправными для реализации определенных способов мышления.

Важным представляется установление детерминант, определяющих содержание и формы нарративов, которые запечатлены в подобных письмах. В связи с этим предлагается рассмотреть один кейс — обращение к власти представителей православной общины, проживавших на территории Молотовской области¹. Письмо начала 1954 г. составлено верующей (возможно, группой верующих, но скрывшихся за одним именем), которая ратовала за сохранение храма как места богослужения. Письмо было вложено в комплекс бумаг фонда Уполномоченного по делам религий и не сопровождалось никакими разъясняющими бумагами.

Авторы, подготовившие текст письма к публикации, хотели бы обратить внимание читателя на факторы, определившие специфику текста, выявить эффективность механизмов социализации и инкультурации, работавших в советскую эпоху, а также их травмирующее воздействие на мировосприятие человека, вступившего в диалог с властью.

¹ Исторически Молотовская область (1940–1957) в своих основных административных границах совпадала с современным Пермским краем.

В переломном 1953 году положение Русской православной церкви (РПЦ) в СССР еще не претерпело существенных изменений. В ожиданиях как иерархов церкви, так и рядовых верующих сочетались надежды на будущее религиозное возрождение и опасения, «что без сдерживающего влияния “вождя” целый ряд лиц из его окружения постарается свести старые сче-ты с Церковью» [Шкаровский 2010: 351]. Одной из проблем в отношениях между представителями власти, церковного клира и членами православных приходов была неопределенность в установлении границ легальной религиозной деятельности. Эти границы, по замечанию А. Л. Беглова, намеренно оставались подвижными: изменения государственной политики в отношении религиозных организаций не были зафиксированы в законодательных актах, что давало руководству страны возможность передвигать эти рамки, расширяя или сужая пространство церковной жизни [Беглов 2008: 231]. В таких условиях непосредственное сохранение храмового богослужения для православных христиан приобретало первостепенное значение, ибо позволяло соотносить себя с приемлемыми, разрешенными советским государством культовыми практиками. На фоне размывания традиционных форм храмовой обрядности (в указанный период характерного, в частности, для территории Прикамья) наличие фиксированного сакрального пространства, материализованного в культовом здании, становилось фактором сохранения церковного порядка и способом выживания конфессионального сообщества [Рязанова 2018: 76–77].

Непосредственным поводом обращения верующих в Президиум Верховного Совета СССР стали многочисленные факты отказа областных властей в сохранении православного храма. В ходе строительства Камской гидроэлектростанции (КамГЭС) выше г. Молотова заселенные территории подлежали затоплению. Строительство началось еще в 1933 г. и сильно затянулось из-за специфики местного ландшафта и рельефа. Полностью проект был завершен в 1958 г. В зоне затопления оказалось множество небольших населенных пунктов с домами, хозяйственными и производственными постройками, сельскохозяйственные угодья [Постановление 1951. Л. 75]. Администрацией области было принято решение о переносе и восстановлении большинства светских сооружений (школ, предприятий, больниц и жилых домов) [Там же], однако культовых зданий это не касалось.

Для православных, проживавших в Троицком сельсовете, в связи с переездом на новое место жительства сохранение места для богослужения оказалось очень актуальным, поскольку в других населенных пунктах, расположенных рядом, церквей не было, а до областного центра было трудно добраться. Нелучайно после закрытия церкви, согласно тексту прошения, «раздался общий плач его [народа] по всему р-ну» (здесь и далее орфография и стиль документов сохранены).

Собственно, в письме присутствует только упоминание «2^х исполкомов» и одного села; вместо малой родины описывается страна в целом — страна, просторы которой многократно превышают территории «каких-то карликовых государств»:

Дело, однако не в этом, что нет земли в с. Троице. Тут характерна другая, именно принципиальная сторона вопроса... С[ельский]/со-

вет говорит — есть земля. Это не королевство Монтэ-Карло. А Советская беспредельная земля.

В пространстве, в котором живет автор письма, имеется свой сакральный центр (Москва), противопоставляемый местной власти: «...до этого могут прийти только такие “начальники”, которые живут далеко от: Москвы, Советского Закона и от народа». Примечательно, что в тексте используется несколько аффилиаций — автор выступает от имени «Уральского народа», так же упоминается «единая Советская семья», но эти номинации дополняются образом «жалких париев (Русских пр. людей)».

Тем самым описываемый сюжет помещается в идеологическую плоскость, претендуя на существование преимущественно в пространстве мировоззренческих баталий. Основным оружием становится не рациональная аргументация, а набор устоявшихся штампов, эмоционально нагруженных метафор.

Текст насыщен стандартными фразами, возможно, производившими на обывателя впечатление эффективных инструментов в обращении к власти. Не забыты Сталин как «создатель конституции» и «Дорогой друг “Советского народа” Климентий Ефремович». Упомянута коммунистическая партия, словам которой «Мы беспредельно верили и верим». Образ КПСС закреплен фразой политического лозунга, вероятнее всего, почерпнутого из газетной передовицы: «...“нет других интересов у Партии, как интересы народа” (Забота о нем)». Местная администрация воспринимается как «представители Советской власти», а рядовые жители — как «Советские люди», «честные труженики». Жалобы по поводу отказа в открытии церкви на новом месте перемежаются штампами пропаганды: «Советские люди за эти 4 буквы (СССР. — *А. Г., С. Р.*) на пулемет бросались, совершали вел.[икие] подвиги», «вы[,] раб.[очие,] колхозники[,] теперь хозяева своей страны». Апелляция к «Правительственному распоряжению» сочетается с упоминанием о «Свете науки». Имманентно декларируется и идея единства правительства и народа, партии и народа: «Разве не с Вами боролись мы “За Советскую Власть, Конституцию[,] Советский Закон”? Разве не с Вами защищали землю Русскую-Советскую от злобного врага?» Согласимся с А. И. Савиным, что подобное использование речевых клише свидетельствует о желании выглядеть благонадежным гражданином [Савин 2016: 137]. Вместе с тем необходимо признать, что иной политический дискурс в тех условиях был просто подавлен, у верующих отсутствовал собственный политический язык — но это отдельная тема для размышления.

Отметим, что дискурс о власти в представленном письме приобретает форму интимного разговора: «...они издеваются над народом, которого нужно только любить!» Власть и население, по мнению автора письма, в социальном бытии должны слиться в едином порыве: «...обнаруживаем ВМЕСТО единения разделение. На наших и не наших». Интимность усиливается за счет использования эмоциональных, в чем-то женских аргументов: «...от игры одаренных “С.[оветских]” артистов заплачешь, прольешь не вольные слезы, когда поет артис[т] в одежде нашей крестьянской: “Сжалеться! сжалеться! Сеньоры, отдайте дочь мою. Она Вам не нужна!” Тяжело см.[отреть], когда народ плачет». Примечательно, как автор усиливает

эмоциональное напряжение текста, цитируя арию Риголетто из одноименной оперы Дж. Верди (опираясь, вероятнее всего, на собственную память). Обращение к типу дискурса, в котором использованы образы «высокой» культуры, выражает стремление установить почти родственную близость адресанта и адресата, не является чем-то исключительным и встречается в большом количестве публичных текстов советской эпохи (подробнее см.: [Сандомирская 2001]).

Декларируемая интимность превращает текст в лингвистический и социальный оксюморон. Общественный язык складывается из обширного набора общих мест, а распространяется со значительным искажением исходной манеры говорения [Там же: 158], что приводит к использованию индивидом стилистически и орфографически скорректированных шаблонов. За общими словами исчезает индивидуальность автора. Безликость текста интуитивно компенсируется эмоциональной экспрессией и заимствованными художественными образами.

Фактически текст состоит из двух частей — собственно жалобы, на что указывает постоянно воспроизводимый акцент на эмоциональном состоянии («С великим прискорбием», «Какой позор!», «Затрепетал весь народ от ужаса», «глухой стон от не выносимой обиды», «жестоко-немилосердно», «голос безмерного человеческого горя, это вопль отчаяния и боли от безнадежного одиночества», «страдаем от этого внутреннего раздора “не по нашей вине”, и который тянет нас в область страданий») и риторики советского генезиса, призванной играть роль системы аргументации. Согласимся с Н. В. Шлихтой, что в послевоенный период «убедительным подтверждением собственной “советскости” считалось использование советских языковых штампов, ссылка на классиков марксизма-ленинизма и советское законодательство. С помощью этих риторических техник авторы писем, как им казалось, заставляли адресатов прислушаться к их просьбам» [Шлихта 2014: 100]. Такого рода апелляция к власти могла быть подана по любому поводу, никак не будучи стилистически связанной с религиозным мировоззрением и соответствующим социальным поведением².

На этом фоне теряются слова и фразы, которые можно было бы квалифицировать как относящиеся к религиозному дискурсу. Вне эмоциональной и дополнительной семиотической нагрузки, в тех же служебных, формализованных выражениях упоминаются вера, церковь, «православный русский народ». С некоторой натяжкой в этот ряд можно поставить и «лукавое и лживое решение», выделяющееся архаичностью используемых эпитетов, а вопрос о том, «где верующим молиться», мог бы прозвучать из уст правозащитника, не имеющего религиозной аффилиации. Употребление всех указанных слов и выражений шаблонно и ситуативно, как и набор используемых пропагандистских штампов. Невысокая степень нагруженности религиозной лексикой заставляет рассматривать письмо не столько как текст, связанный с религиозным сообществом, сколько как образец использования официальной речи народом.

² Н. В. Шлихта отмечает эту особенность в большинстве писем верующих послевоенного периода, как и неперемные ссылки на законодательство о культах [Шлихта 2014: 98].

В целом за письмом встает образ советского человека, сохранившего в памяти предшествующий период истории и готового бороться за его достижения по сложившимся условиям и правилам советского общества — каким оно ему представляется [Hellbeck 2000: 111]. При этом индивидуальные характеристики автора (авторов) плохо различимы за арматурой идеологических штампов, перемежаемых повествованием о страданиях коллектива.

Текст позволяет говорить о менталитете уникальных локальных сообществ, существовавших на перекрестке традиционной и новой индустриальной культур, в поле постоянно сталкивающихся нарративов, среди которых уверенно побеждал тот, который в данный момент воспринимался как советский. На уровне текста становится заметно, что в игре дискурсов вместо создания интердискурсивного пространства, не исключающего их конфликта [Филлипс, Моргенсен 2004: 69], осуществляется победа одного способа мироощущения, обеспеченного эффективно работающей системой навязывания смыслов [Купина 1995: 8]. Именно авторитарным характером господствующего дискурса (его гегемонией [Fairclough 2004: 61]), возможно, вызвано стирание личностных характеристик того (или тех), кто составлял жалобу. Семантическая неоднородность текста при этом указывает на наличие некоторой нестабильности социальных отношений [Тичер и др. 2009: 179], несмотря на активно проводимую политику гомогенизации общества, — «...живой человек, попавший в ситуацию говорения и особенно письма, оказывается в определенном отношении к этой машине (конструирования реальности. — А. Г., С. Р.): правила порождения дискурса определяются этой машиной» [Сандомирская 2001: 43], — но это определение, как мы видим, не всегда является абсолютным.

При ответе на вопрос, кому на самом деле адресован текст — центральным или местным властям, сочувствующему сообществу верующих, атеистическому обществу, возникает ощущение, что в данном случае адресат и адресант совпадают. В условиях, когда из жизни исчезали привычные вещи и явления, ее привычные основания (а в случае с верующими Троицкого сельского совета это разрушение храма), обращение во власть оказывалось попыткой преодоления травматичной ситуации, ибо иных инструментов работы с травмой почти не осталось. Каков бы ни был апеллятивный потенциал текста (Р. Барт), он остался без внешнего ответа (до периода перестройки на территории Прикамья не появилось ни одного нового храма) и служит только маркером сохранившегося, но травмированного административным давлением небольшого православного сообщества.

* * *

Рукописное письмо-жалоба, отложившееся в фонде уполномоченного по делам РПЦ Государственного архива Пермского края, оформлено на листах формата А4 в линейку. При подготовке к публикации в тексте жалобы были восстановлены в квадратных скобках пропущенные знаки препинания, а также буквы и части слов, за исключением общеизвестных сокращений. Отдельные слова воспроизведены жирным шрифтом в соответствии с оригинальным текстом.

Разбирая представленный текст, необходимо обратить внимание на авторское злоупотребление знаками препинания и кавычками. В первом случае можно предположить, что авторы слабо владели нормами русского правописания. Во втором случае кавычки использовались для расширения спектра значений слов и выражений. Как пишет Анна А. Зализняк, «кавычки имеют две основные функции: показатель *чужого слова* (говорящий по тем или иным причинам использует в своей речи слово, которое он не считает “своим” <...>) и показатель *своего смысла* (говорящий вкладывает в употребляемое слово в каком-то отношении нестандартный смысл; кавычки являются сигналом о том, что слушающий должен произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание говорящего)» [Зализняк 2007: 192]. Так, в письме верующих постановка кавычек указывает на негативную оценку действий местных властей (например: «так жестоко-немилосердно наказывают нас “Райисполкомовские и Облисполкомовские” представители Советской Власти!») и одновременно на лояльность населения общесоюзному правительству («“Уральский[”] народ. Когда отказывал “П[равительству]” <...?>»).

В письме встречается два типа подчеркивания предложений. Вероятно, подчеркивания, сделанные чернилами фиолетового цвета, принадлежат автору (или авторам) жалобы. Они выражают отношение пишущего (пишущих) к произошедшему, например: «Мытарства все окончены»; «был встречен всеми верующими: с омерзением и негодованием». В публикации авторские подчеркивания переданы сплошной линией.

Подчеркивания карандашом красного цвета, возможно, сделаны читателем письма, вероятнее всего чиновником аппарата уполномоченного Совета по делам РПЦ при Молотовском облисполкоме. В этом случае читающий, например, подчеркнул предложения с информацией о наличии земли, которую просили верующие для строительства храма. В публикации подчеркивания красным карандашом переданы прерывистой линией.

Написание отдельных слов указывает на то, что пишущий (или пишущие) осваивал(и) письменную речь до орфографической реформы 1918 г. Возможно также, что на письменную речь оказывало влияние чтение религиозной литературы дореволюционного издания. Например, слова *безнадежного* передано в тексте в виде *безнадежнаго*, а *внутреннего* — как *внутренняго*.

Археографическая подготовка письма-жалобы к публикации осуществлена А. Л. Глушаевым и С. В. Рязановой.

**Жалоба членов православной общины Гореновской церкви
Троицкого сельсовета Пермско-Сергинского района Молотовской области
председателю президиума ВС СССР К. Е. Ворошилову
по поводу восстановления храма в с. Троица
20 февраля 1954 г.**

Председателю Президиума Верховного Совета С. С. С. Р.
Маршалу Советского Союза
К. Е. Ворошилову.

От общины верующих Гореновской
церкви Троицкого с[ельского]/сов.[ета] П[ермско]-Сергинского
р-на Молотовской области³.

ЖАЛОБА.

Мы, верующие[.], просим Вас Г[раждани]н Председатель, рассмотреть нашу жалобу. И во имя справедливости Закона, вынести свое справедливое решение.

Докладываем Вам по существу настоящего дела.

Наша Гореновская церковь с постройкой Камской Г. Э. С. подлежала сносу, как находящаяся в зоне затопления.

По распоряжению П-Сергинского Райисполкома в 1953 г.[.] церковь была закрыта, разобрана, а лес был сложен в штабель, для перевозки в село Троицу.

I.

Община верующих подала I° заявление в П-Сергинский Райисполком, чтоб таковой разрешил отвести земельный участок под церковь в с. Троица. Райисполком отказал, и велел обратиться в Москву в М. С. Х. и заготовок⁴ Г. У. З.⁵

II.

Община верующих немедленно подала заявление, по указанному адресу и получила скоро ответ, который был послан в подлиннике в П-Сергинский Райисполком. Но таковой на эту просьбу не ответил.

III.

Община верующих вторично подала заявление в М. С. Х и заготовок Г. У. З.[.] прося разрешения на отвод земельного уч.[астка], под строительство церкви.

³ Деревня Горенова располагалась на правом берегу р. Сылвы, почти напротив с. Троицкое (на географических картах советского периода — с. Троица). Пермско-Сергинский район — административно-территориальная единица в составе Уральской, Свердловской, Молотовской и Пермской областей, существовавшая в 1924–1959 гг. Административный центр — с. Сergyа.

⁴ Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР и РСФСР были сформированы в результате административных реформ весной 1953 г. Вероятно, автор письма имеет ввиду Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР. Однако в декабре 1953 г. министерство было ликвидировано в связи с образованием Министерства сельского хозяйства РСФСР.

⁵ Вероятно, речь идет о Главном управлении землепользования и землеустройства в составе Министерства сельского хозяйства и заготовок.

См. документы
от 1го августа 1953 г.[.] за № 049-39
от 5го/XI 1953 г.[.] за № 049-39.

IV.

Подали заявление в П-Сергинский Райисполком, об отводе земельного участка в селе Троица. Райисполком отказал. Ссылаясь на то, что нет свободного участка.

См. документ. П-Сергинского Райисполкома.
от 18 ноября 1953 г.[.] за № 178.

V.

Из Москвы была получена открытка из Совета по делам русской прав.[ославной] церкви при Совете Министров СССР. от 13/XI 1953 г.[.] за № 2905.

Где сообщалось, что ответ получите, от Уполномоченного Совета по Молотовской обл.

VI.

Получили ответ, от Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Молотовской области.

от 9/XII 1953 г.[.] за № 52.

Где сообщалось, что в выделении земельного уч.[астка] вам отказано.

Мытарства все окончены. Инстанции все использованы.

Осталась одна надежда, на справедливость Советского Закона. С великим прискорбием прочитали это лукавое и лживое решение за №№ 178 и 52. П-Сергинского Райисполкома и Молотовского Облисполкома. Благодарим! Дело, однако[,] не в этом, что нет земли в с. Троице. Тут характерна другая, именно принципиальная сторона вопроса. С[ельский]/совет говорит — есть земля. Это не Королевство Монтэ-Карло. А Советская беспредельная земля. Обидно! Когда выдают лож[ь] за истину, да на бумаге с инициалами СССР. Какой позор! Эмблема советского государства /СССР/. в ореоле лжи. Какой позор! А Советские люди за эти 4 буквы на пулемет бросались, совершали вел.[икие] подвиги. Да, до этого могут прийти только такие «начальники», которые живут далеко от: Москвы, Советского Закона и от народа. Для которых «Конституция» не обязательна для исполнения. Или умер ее создатель, умерла и «Конституция» в 2^х Исполкомах. Если умерла у них, то она не умерла в нашей душе, нашем р.[абоче-]кр.[естьянском] сердце, и не умрет уже во веки веков. Клянемся в этом!

Ответ «Исполкомов» был встречен всеми верующими: с омерзением и негодованием. Затрепетал весь народ от ужаса, раздался общий плач его по всему р-ну. Склонились низко головы верующих, повисли мозолистые руки, как плети[,] честных тружеников, и из тысячной груди, вырвался глухой стон от не выносимой обиды. И каждый говорил за что? за что?, так жестоко-немилосердно наказывают нас «Райисполкомовские и Облисполкомовские» представители Советской Власти!. Нас жалких париев /Русских пр.⁶ людей/. Разве мы не Советские люди, а отщепенцы Советского общества.

Скажите-ответ[ь]те честно?

⁶ Здесь возможна двойственная расшифровка сокращенного слова: в одном случае *протых*, в другом — *православных*.

Какое Правительственное распоряжение на продолжении 36 лет не выполнил наш «Уральский[»] народ. Когда отказывал «П[равительству]»[.] укажите дату? Или хлеб «Уральский» горек, лес, уголь, руда и пр.[.] и пр. плохое? за что казнят! Печально! Забыто все!

Обидно за то! что они издеваются над народом, которого нужно только любить! Это заставляет говорить, — голос безмерного человеческого горя, это вопль отчаяния и боли от безнадежного одиночества.

Проповедуем о мире, но не все и не всегда имеем этот желанный мир, потому что обнаруживаем ВМЕСТО единения разделение. На наших и не наших. Почему такая точка зрений ист.⁷ у «НАШИХ» Райисполкомов и Облисполкомов «вер»[.] непонятна!

Нашим для клубов есть земля. А каким-то не нашим? Нет земли. А кто наш и не наш в Советском Союзе, мы не можем понять! Мы знаем, что мы все единая Советская семья во веки.

Да, не надо, товарищи, обманываться, не надо закрывать глаза на действительность, НАДО прямо, честно и откровенно сказать, что такое полож[ение] ужасно! Они на словах говорят одно, а на деле делают другое.....

пример. На собрании говорят: «вы[.] раб.[очие,] колхозники[.] теперь хозяйва своей страны[.] все теперь ваше». Искренне, честно, нелицемерно верим этим словам. За что 36 лет боролись. А другой раз по нужде, спросишь письменно своих начальников. ДАЙТЕ ЗЕМЛИ для церкви. Получишь пакет, а там земли НЕТ! и НЕТ!

Нам «Исполкомы» говорят: Вы молитесь, мы вам не запрещаем. Согласны!

Разрешите ответить той же формулой.

Разрешите «НЕЗРИМО» сломать все дворцы культуры: театры, клубы[.] кино. Мы Вам не запрещаем т[о же] [.] веселитесь. Слушайте оперу, смотрите кино и пр.[очие] увес[еления]. Нам умоляюще, со слезами на глазах от печали, скажут «2 исполкома»[.] а где веселиться, все сломано? А там же[.] скажем, — где верующим молиться! Вот где правда? которую ни какими доводами неопровергнешь. Так в чем-же дело? Отчего эта непонятная враждебность? нелюбов[ь]? Мы страдаем от этого внутреннего раздора «не понашей вине», и который тянет нас в область страданий. А мы жаждем мира. — мира просим! Разве народ в этом виноват, что его в прошлом научили вере. Боритесь! но оружием честным. «Светом науки». Но не разного рода ухищрениями?

Нельзя одним только ПОРЫВОМ вырвать из глубины организма того, что там глубоко и основательно засело, и посеяно на продолжении многих сотен лет.

Примечание. Мы не против театров. Но колхоз не дает разрешения, на удовольствие, по причине той, что театры так и церков[ь] в гор. Молотов за 70–100 км/метра, дорога дальняя, — не успеешь ко времени на колхозную работу, а потому и не ездим, нет время.

ДА, и там от игры одаренных «С.[оветских]» артистов заплачешь, прольешь не вольные слезы, когда поет артист[т] в одежде нашей крестьянской: «Сжальтесь! сжальтесь! Сеньоры, отдайте дочь мою. Она Вам не нужна!» Тяжело см.[отреть], когда народ плачет.

Дорогой друг «С.[оветского]» народа Климентий Ефремович!

Разве не с Вами боролись мы «За Советскую Власть, Конституцию Советский Закон»? Разве не с Вами защищали землю Русскую-Советскую от злобного врага?

⁷ Возможно, сокращение от *истинна*.

Какую работу не выполняли во имя любимой Родины; на полях, в рудниках, на реках, в ледяной воде, при 40[-]град.[усном] морозе в лесу, и при нестерпимой жаре у домен [нрзб.]? И везде нам находилось первое место. Только нет кусочка земли — нет места для церкви.

Мы беспредельно верили и верим словам коммунистической партии.

«Что нет других интересов у Партии, как интересы народа» (Забота о нем).

А поэтому ждем справедливого решения. Просим Вас просьбу народа удовлетворить. Решение Молотовского Облисполкома за № 52 и П-Сергинского Райисполкома за № 178 отменить. Дать непосредственное указание, П-Сергинскому Райисполкому, отвести земельный уч[асток]: если не в селе Троица, то в глухой деревушке за рекой, в дер. **Кирилово**. Колхоз им. /Калинина/ Там есть совершенно не пригодная земля, в каменистом косогоре, — даже трава не растет.

Великое спасибо Вам скажет «православный русский народ» за МИЛОСЕРДИЕ.

Это жалоба от 834 человек.

Подписи верующих на 23 листочках, которые прилагаем к сей жалобе. /исп. чл. ц. совета⁸/

Приложение. Документы в подлинниках.

I. Из М. С. Х. и заготовок Г. У. З. г. Москва от. 5/XI 1953 г[.] за № 049-39.

II. Из М. С. Х. и заготовок Г. У. З. от I^о августа 1953 г[.] за № 049-39.

III. От члена Совета по д.[елам] р.[усской] п.[равославной] ц[еркви] при Совете Министров СССР от 13/XI 1953 г[.] за № 2905.

IV. От Председателя П-Сергинского Райисполкома от 18 ноября 1953 г[.] за № 178.

V. От Уполномоченного по д.[елам] р.[усской] п.[равославной] ц[еркви] г. Молотов от 9/XII 1953 г[.] за № 52.

Документы убедительно просим возвратить [нрзб.]

Адрес нашего уполномоченного от религиозной общины.

Молотовская область[,] Пермско-Сергинский р-н. село Троица

20 февраля 1954 г[.]

КОРЕЛИНОЙ А. П.

с. Троица.

ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 3. Д. 266. Л. 8–8а об. Рукопись. Подлинник

[Примечание. На последней странице жалобы, в нижнем правом углу, проставлена квадратная печать черного цвета о регистрации письма, вероятно, в Управлении делами Президиума Верховного Совета СССР. Первые слова и порядковый номер неразборчивые, прочитывается только «... ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР».]

⁸ Вероятно, сокращение можно интерпретировать как «исполнено членом церковного совета».

Источники

Постановление 1951 — Постановление Совета Министров РСФСР от 28.07.1951 (ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 169).

Литература

- Беглов 2008 — *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М.: Изд. Совет Рус. Правосл. Церкви; Арефа, 2008.
- Белякова, Добсон 2015 — *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг.: исследование и источники. М.: Индрик, 2015.
- Белякова 2018 — *Белякова Н. А.* «Сообщаем о преступлениях против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. Т. 8. № 3. 2018. С. 640–658.
- Глушаев 2013 — *Глушаев А. Л.* Баптисты и пятидесятники в советском коллективе: конструирование идентичности в первой половине 1960-х гг. (на материалах Пермской области) // Религиоведение. 2013. № 4. С. 32–40.
- Зализняк 2007 — *Зализняк Анна А.* Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193.
- Кимерлинг 2014 — *Кимерлинг А. С.* Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 325–338.
- Клинова 2012 — *Клинова М. А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 300–305.
- Козлова, Сандомирская 1996 — *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического прочтения. М.: Гнозис; Рус. феноменол. о-во, 1996.
- Красильников 2014 — *Красильников С. А.* Из поселка Калининск М. И. Калинин и другим: «диалог» семьи Кучевских с режимом (1940–1958 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 339–349.
- Купина 1995 — *Купина Н. А.* Тоталитарный язык и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995.
- Лейбович 2014 — *Лейбович О. Л.* «...За что его погубили и нас тоже?»: Два прошения о заступничестве. 1935 год // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 317–324.
- Рязанова 2018 — *Рязанова С. В.* «Вот люди-то там стоят, а ты не можешь»: посещение церкви в современном пермском православном сообществе. Пермь: ПГИК, 2018.
- Савин 2016 — *Савин А. И.* Письма во власть как форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 15. № 8. 2016. С. 133–145.
- Савин, Деннингхаус 2017 — *Савин А., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.
- Сандомирская 2001 — *Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. (Wiener slawistischer Almanach; 50).
- Тичер и др. 2009 — *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа и дискурса / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
- Филлипс, Моргенсен 2004 — *Филлипс Л. Дж., Моргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Гуманитар. центр. 2004.

- Шкарковский 2010 — *Шкарковский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010.
- Шлихта 2014 — *Шлихта Н.* «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. № 23. 2014. С. 82–107.
- Fairclough 2004 — *Fairclough N.* Analysing discourse: Textual analysis for social research. London; New York: Routledge, 2004.
- Fitzpatrick 1996 — *Fitzpatrick Sh.* Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. Vol. 55. No. 1. 1996. P. 78–105.
- Hellbeck 2000 — *Hellbeck J.* Fashioning the Stalinist soul: The diary of Stefan Podlubnyi 1931–9 // *Stalinism: New directions* / Ed by Sh. Fitzpatrick. London; New York: Routledge, 2000. P. 77–116.

Сокращения

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

ПермГАСПИ — Пермский государственный архив современной политической истории.

References

- Beglov, A. L. (2008). *V poiskakh “bezgreshnykh katakomb”*: Tserkovnoe podpol'e v SSSR [In search of “sinless catacombs”: Church underground in the USSR]. Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi; Arefa. (In Russian).
- Beliakova, N. A. (2018). “Soobshchaem o prestupleniakh protiv pravosudiia...”: obrashcheniia i zhaloby veruiushchikh v brezhnevskom SSSR [“Reporting crimes against justice...”: Appeals and complaints of believers in Brezhnev's USSR]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 8(3), 640–658. (In Russian).
- Beliakova, N. A., & Dobson, M. (2015). *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg.: issledovanie i istochniki* [Women in evangelical communities of post-war USSR. 1940–1980s: Research and sources]. Indrik. (In Russian).
- Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. Routledge.
- Fitzpatrick, Sh. (1996). Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s. *Slavic Review*, 55(1), 78–105.
- Glushaev, A. L. (2013). Baptisty i piatidesiatniki v sovetskom kollektive: konstruirovaniie identichnosti v pervoi polovine 1960-kh gg. (na materialakh Permskoi oblasti) [Baptists and Pentecostals in the Soviet collective: construction of identity in the first half of the 1960s. (On materials of the Perm region)]. *Religiovedenie*, 2013(4), 32–40. (In Russian).
- Hellbeck, J. (2000). Fashioning the Stalinist soul: The diary of Stefan Podlubnyi 1931–9. In Sh. Fitzpatrick (Ed.). *Stalinism: New directions* (pp. 77–116). Routledge.
- Kimerling, A. S. (2014). Pis'ma vo vlast' v pozdniuiu stalinskuiu epokhu: intimnoe i politika [Letters to the authorities in the late Stalin era: Intimate and politics]. In *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 325–338). AsPUr. (In Russian).
- Klinova, M. A. (2012). Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izucheniia sovetskoii povsednevnosti [Letters and complaints to the authorities as a source for studying Soviet everyday life]. *Vestnik arkhivista*, 2012(4), 300–305. (In Russian).
- Kozlova, N. N., & Sandomirskaya, I. I. (1996). “*Ia tak khochu nazvat' kino*”. “*Naivnoe pis'mo*”: opyt lingvo-sotsiologicheskogo prochteniia [“I want to call the movie like that”. “Naive writing”: The experience of linguistic-sociological reading]. *Gnozis; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo*. (In Russian)

- Krasil'nikov, S. A. (2014). Iz poselka Kalininsk M. I. Kalininu i drugim: "dialog" sem'i Kucevskikh s rezhimom (1940–1958 gg.) [From the village of Kalininsk, to M. I. Kalinin and others: the "dialogue" of the Kucevsky family with the regime (1940–1958)]. In *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 339–349). AsPUr. (In Russian).
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi iazyk i rechevye reaktsii* [Totalitarian language and speech reactions]. Izd-vo Ural. un-ta, ZUUNTs. (In Russian).
- Leibovich, O. L. (2014). "...Za chto ego pogubili i nas tozhe?": Dva prosheniia o zastupnichestve. 1935 god ["... Why was he killed and we too?": Two petitions for intercession. 1935]. In *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 317–324). AsPUr. (In Russian).
- Phillips, L., & Jorgensen, M. (2002). *Methods of text and discourse analysis*. SAGE Publications.
- Ryazanova, S. V. (2018). "Vot liudi-to tam stoiat, a ty ne mozhes'": poseshchenie tserkvi v sovremennom permskom pravoslavnom soobshchestve ["People are standing there, but you cannot": Church attendance in the modern Perm Orthodox community]. PGIK. (In Russian).
- Sandomirskaya, I. (2001). *Kniga o Rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the Motherland: Analyzing discursive practices]. Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener slawistischer Almanach; 50). (In Russian).
- Savin, A., & Denningkhaus, V. (2017). "Pis'ma vo vlast'" kak modus religioznogo dissidentstva v brezhnevskuiu epokhu ["Letters to the authorities" as a modus of religious dissidentism in the Brezhnev era]. *Rossiia XXI, 2017*(6), 118–141. (In Russian).
- Savin, A. I. (2016). Pis'ma vo vlast' kak forma politicheskoi adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody [Letters to the authorities as a form of political adaptation of Soviet citizens in the 1930s]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriia, filologiya, 15*(8), 133–145. (In Russian).
- Shkarovskii, M. (2010). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Veche; Lepta. (In Russian).
- Shlikhta, N. (2014). "Pravoslavnyi" i "sovetskii": k voprosu ob identichnosti veruiushchikh sovetskikh grazhdan (1940-e — nachalo 1970-kh gg.) ["Orthodox" and "Soviet": On the issue of the identity of believing Soviet citizens (1940s — early 1970s)]. *Antropologicheskii forum, 23*, 82–107. (In Russian).
- Tietscher, S., Meyer, M., Wodak, R., & Vetter, E. (2000). *Methods of text and discourse analysis*. SAGE Publications.
- Zalizniak, Anna A. (2007) Semantika kavychek [The semantics of inverted commas]. In L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narin'iani, & V. P. Selegei (Eds.). *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007"* (pp. 188–193). Izdatel'stvo RGGU. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Алексей Леонидович Глушаев

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра культурологии
и философии, Пермский
государственный институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты
«Звезда», д. 18
Тел.: +7 (342) 212-45-93
✉ perst-ur@mail.ru*

Aleksey L. Glushaev

*Cand. Sci. (History)
Senior Lecturer, Department of Cultural Studies
and Philosophy, Perm State Institute of Culture
Russia, 614000, Perm, Gazety "Zvezda" Str., 18
Tel.: +7(342)212-45-93
✉ perst-ur@mail.ru*

Светлана Владимировна Рязанова

*доктор философских наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Пермский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения РАН
Россия, 614990, Пермь, ул. Ленина,
д. 13а
Тел.: +7 (342) 212-60-08
✉ svet-ryazanova@yandex.ru*

Svetlana V. Ryazanova

*Dr. Sci. (Philosophy)
Leading Researcher, Perm Federal Research
Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 614990, Perm, Lenina Str., 13a
Tel.: +7 (342) 212-60-08
✉ svet-ryazanova@yandex.ru*